

В.С. АВДОНИН*

**ДИСКУРС И ЛЕГИТИМНОСТЬ: К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ТРАКТОВКЕ ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ**

Аннотация. Проблема дискурса и легитимности освещается в статье сквозь призму системной или функциональной теории политической легитимности, получившей известность в европейской политологии в начале 2000-х годов. Автор рассматривает основные положения этой теории, первоначально разработанные немецким политологом Фрицем Шарпфом в связи с исследованием политики и политической легитимности в странах ЕС и на общеевропейском уровне. Позднее они были применены рядом авторов (в статье основное внимание уделено работам Марианны Кноер) в процессе исследования механизма легитимации власти в так называемых неоавтократических режимах (режимы «новой волны авторитаризма» начала XXI в.). Введение понятий легитимности на входе (в политическую систему) и на выходе, а также связанных с ними понятий «идентитарных нарративов», «режимной производительности» и «миссии», позволяет лучше понять механизм функционирования легитимности (согласия управляемых с властью) в неоавтократиях. В статье автор пытается применить этот подход к исследованию российского случая, анализируя легитимирующие аспекты дискурса российской власти.

Ключевые слова: политическая легитимность; дискурс; политическая система; адаптивность; функционализм; легитимность входа; легитимность выхода; идентитарная легитимность; авторитарный режим; идентитарные нарративы; режимная производительность; миссия; российский политический режим; политический дискурс российской власти.

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

Для цитирования: Авдонин В.С. Дискурс и легитимность: к функциональной трактовке дискурсивных аспектов политической легитимации // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 38–59. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.02>

Введение

Вопрос о связи дискурса и легитимности предполагается рассматривать преимущественно в структурно-функциональном аспекте. Такой взгляд позволяет лучше вписать ее в тематику политической науки и, в частности, в проблематику трансформации, стабилизации и адаптации политических систем и политических режимов. Этот подход к анализу дискурса и легитимности дает возможность выделять в этой проблеме разные аспекты (коммуникационные, властно-политические, ресурсные и др.), различать собственно дискурс и его контекст и проследивать влияние дискурса на формирование, проявление и воспроизводство властных отношений в социуме. Это обстоятельство открывает путь к исследованию роли дискурса, дискурсивных практик в процессе легитимации власти или их вклада в политическую легитимность.

Исторически легитимность власти связывалась с признанием ее «законности», «правильности» со стороны управляемых, что способствовало ее устойчивости и воспроизводству. В современных теориях легитимности этот компонент тоже присутствует, при этом легитимность обычно трактуется шире – и как признание (согласие) управляемых, и как необходимая полезность (эффективность) для общества, и как соответствие правовым нормам и процедурам. При этом теории легитимности часто различаются в зависимости от того, что они выдвигают на первый план: полезность (прагматические), согласие (политико- и социокультурные), правовые нормы и процедуры (нормативные, процедурные), а также смешанные [Kielmansegg, 1976; Mandt, 1995]¹. В социологии и политической науке в основном приняты социокультурные и смешанные трактовки легитимности, тогда как прагматические и нормативно-процедурные больше тяготеют соответственно к сфере экономических или правовых наук. Исходя из этого, вопрос о

¹ См. также: Political Legitimacy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/search/searcher.py?query=legitimacy> (accessed: 30.03.2023).

дискурсе в контексте легитимности может рассматриваться в политической науке преимущественно в русле ее политико-культурных и смешанных трактовок.

В этой статье мы намереваемся предложить вариант анализа легитимирующего влияния политического дискурса, исходя из смешанной или, в нашем случае, системной интерпретации легитимности, получившей определенное признание в современной политической науке. Еще одной особенностью будет рассмотрение этой темы в политическом контексте неоавторитаризма, т.е. в контексте дискурсивной легитимации современных автократий. Это тоже объяснимо, учитывая рост внимания политической науки к подъему автократий в начале XXI в. Всестороннее исследование процессов их становления и функционирования, их отличий от «старых» автократий XX в., их специфических признаков и тенденций призвано ликвидировать пробелы в их изучении. И проблема их политической легитимности и ее дискурсивных аспектов является здесь одной из наиболее важных, учитывая, что современные автократии сталкиваются с проблемой ограничения применения явного насилия, массового террора и репрессий. Наше рассмотрение включает знакомство с концепцией системного толкования политической легитимности, ее основных признаков и черт, в том числе и ее идейных и дискурсивно-риторических составляющих, а также опирающееся на эту концептуализацию исследование случая (здесь – становления и эволюции российского неоавторитарного режима в первые десятилетия XXI в. и его дискурсивных практик).

Системный подход в теории легитимности

Одним из ключевых событий в истории политической науки XX в. стало становление в ней системного подхода. Основные вехи этого процесса хорошо известны – от подготовительного этапа, связанного с попытками применения идей системного анализа к политике, до основополагающих работ Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, Н. Лумана, П. Бурдьё и других авторов, прочно утвердивших во второй половине XX в. место системного подхода и его вариаций в политической науке. Категории «политическая система» и связанная с ней «политический режим» стали одними из

главных в политологии, а их теоретическая разработка и применение в эмпирических исследованиях составляют едва ли не основную часть этой науки как таковой.

Историческая категория легитимности власти, или политической легитимности, также относится к ключевым категориям политической науки, но ее всестороннее включение в рамки системного анализа политики долгое время было ограниченным. Возможно, здесь играло роль то, что наиболее известная и распространенная в политологии трактовка легитимности власти была предложена Максом Вебером еще до появления системного подхода и была выражена, скорее, на языке, близком «понимающей социологии» Вебера. Его знаменитая типология легитимности власти (традиционная, харизматическая, рационально-легальная [Вебер, 1990]) базировалась на различении мотивов согласия управляемых, а не на общей логике функционирования политической системы. Существенное место занимала, конечно, и критика самого системного подхода, появившаяся после первого его успеха в политической науке и упрекавшая его, в частности, в чрезмерной абстрактности и привязке к относительно стабильным политическим системам западной демократии. Возможно, какую-то роль играло и то, что понятие легитимности разрабатывалось и за пределами политической науки – в социологии, философии, праве и др. И эти трактовки влияли на политологию, привнося туда свои аспекты, что затрудняло собственно политическое понимание легитимности как компонента политической системы.

Трактовка легитимности, четко ориентированная на системный подход к политике, появилась лишь в 90-е годы прошлого века на фоне нового подъема внимания в политологии к системному анализу. К этому времени системный подход приобрел заметную конкретизацию, а также впитал ряд критических соображений, которые предъявлялись к нему в предшествующий период, в частности, – упреки в недостаточном учете исторических характеристик развития политических систем и излишнем акценте на автоматизм действий функциональных элементов в системе. Системный подход был совмещен с изучением агентивности (автономии действий агентов), историко-институциональными исследованиями (историческим становлением и изменением систем правил действий), а также с эволюционным подходом, фиксирующим изменения в

системах на основе эволюционных алгоритмов (изменчивость, адаптация, отбор, сохранение).

В анализе политической легитимности системную трактовку предложил, в частности, Фриц Шарпф, подчеркнув ее связь со структурой и функциями политической системы [Scharpf, 1999; 2004]. Его функциональная трактовка легитимности исходила из общесистемных идей функциональной адаптивности системы к среде и их динамического равновесия. С этой точки зрения легитимность (добровольное согласие управляемых) выступает важным адаптивным свойством системы, позволяя существенно снизить ресурсы контроля на поддержание устойчивости.

Исходя из этого, Шарпф выделил в легитимности два типа, или измерения – легитимность входа (*input-legitimacy*) и легитимность выхода (*output-legitimacy*). Первый тип связан с функцией входа в систему и означает добровольное согласие с той политикой власти, цели которой формулируются и декларируются. Он носит субъективный характер приверженности управляемых и связан с их предпочтениями, которые могут иметь как рациональный, так и иррациональный характер. Второй тип связан с функцией выхода; он зависит прежде всего от содержания политики правящей власти и ее результатов. Со стороны управляемых он определяется рациональным интересом в некотором улучшении или хотя бы не ухудшении их жизни. И в этом смысле легитимность выхода обретает объективные характеристики и может оцениваться по объективным критериям результатов действий власти («вкладу в общее благо») [Scharpf, 2004, s. 8–9].

В целом такая трактовка видов легитимности позволяет лучше вписать ее в адаптивный механизм функционирования политической системы, расширить познавательные возможности и арсенал методов анализа.

Далее Шарпф показал, как различные измерения легитимности воплощаются в системе политических институтов. В демократических конституционных полициях они реализуются через парламенты, партии, ассоциации, конституционное и обычное судопроизводство, различные согласительные комиссии и комитеты, СМИ, гражданское общество. В рамках институциональных структур и процессов требования легитимности, ориентированной на вход и на выход, воплощаются, по Шарпфу: «а) в целях и задачах политики, которые должны определяться предпочтениями управляемых,

которые должны быть «просвещены» и проникнуты «общим здравым смыслом»; б) в способности правящих к эффективным политическим действиям, которые должны служить общему благу и исключать злоупотребления» [Scharpf, 2004, S. 10].

Исследуя легитимность и ее виды в демократических полициях, Шарпф указывает, что в их глубинной основе находится некое дополитическое коллективистское чувство сообщества, базирующееся на экзистенциальной общности его членов. С ним может быть связан еще один тип легитимности, который основан на общей идентичности, – идентитарный [Scharpf, 2004, S. 7–8]. В институционализированных демократических полициях он маргинален и реально включается в политику лишь тогда, когда подчинение решениям власти со стороны управляемых требует особенно высокой цены (т.е. влечет за собой причинение им некомпенсируемого ущерба). Но сам по себе этот тип легитимности (идентитарный, или «мы-легитимность») тоже существует и может иметь место в экстремальных обстоятельствах.

В исследованиях политики в странах ЕС он показал, что правительства в отдельных критических обстоятельствах пытаются опереться на этот тип легитимности, обращаясь к идентичности национальных сообществ. В этой связи он также рассматривал вопрос об условиях формирования подобного рода легитимности в рамках всей политической системы ЕС (общеевропейская идентитарная легитимность) и указывал на то, что пока такой легитимности не сложилось [Scharpf, 1999].

Дискурсивная легитимность в неоавторитарных режимах

В дальнейшем системный подход к политической легитимности и типологию, предложенную Шарпфом, стали использовать политологи, занимающиеся изучением подъема автократий в начале XXI в., в том числе особенностей сферы легитимации власти в этих режимах [Kneuer 2013; 2017; Kailitz, 2013; Kneuer, Demmelhuber, 2015; и др.].

Марианна Кноер отмечала аналитические преимущества подхода и типологии Шарпфа по сравнению с теми аналитическими инструментами, которые применялись в исследовании автокра-

тий ранее [Kneuer, 2017, p. 189]. В частности, широко известная в политической науке типология политических режимов Хауна Линца важным отличием тоталитарных и авторитарных режимов считает степень их идеологизации. Если в тоталитарных автократиях роль идеологии в политике чрезвычайно высока, то в авторитарных – существенно ниже. То, что используется в идейно-политической сфере авторитарных режимов, Линц назвал «менталитетом», указав на его отличия от «идеологии», характерной для тоталитаризмов [Linz, 1975]. Но, как отмечает Кноер, сказанного о менталитете все же недостаточно, чтобы эффективно анализировать способы и механизмы легитимации власти в современных авторитарных политах. Например, определение менталитета как некоего «способа мышления и чувствования» (Линц) оставляет неясным, как этот скорее политико-культурный феномен может влиять на политику, проявлять себя в политическом действии и, в частности, обеспечивать легитимность власти [Kneuer, 2017, p. 189]. На этом фоне функциональная трактовка Шарпфа, выделяющая роль предпочтений, управляемых в целеполагании политики «на входе», и их оценок результатов политики власти «на выходе» представляется аналитически более эффективной.

Здесь важным аспектом подхода к анализу легитимности, присущего и Шарпфу, и многим другим авторам [Beetham, 2013; Kielmansegg, 1971], является учет действий субъекта, или так называемая агентивность. В случае с легитимацией речь идет о различении двух видов, или измерений действия: действий правителей, стремящихся легитимировать свое правление, и управляемых, соглашающихся быть управляемыми. Акцент на том или ином измерении действия обладает в анализе своей спецификой, различая, например, активные действия правителей и пассивное согласие управляемых. В отношении последнего часто подчеркивается роль структурных факторов (истории, традиций, религии, политической культуры и др.). А в отношении первых – стремление к сохранению власти и стабилизации политического режима. Вместе с тем учитывается их взаимодействие и взаимовлияние.

Авторитарное правление в этом отношении обладает рядом особенностей. Оно не нуждается в участии управляемых в политике и больше полагается само на себя (централизованная властная вертикаль). В то же время, учитывая системные требования к политике, оно нуждается в легитимации, т.е. пассивном согласии

управляемых, а в определенных рамках и в их активном одобрении. Как же решается эта проблема? С точки зрения институциональной теории демократии, в рамках авторитаризма эти решения могут быть лишь временными, или паллиативными и рано или поздно приведут к кризису авторитарной системы и ее переходу к новой модели автократии или к демократическому правлению. Но на практике авторитарные модели правления демонстрируют определенную устойчивость и даже некоторое оживление и претензии на распространение. Следовательно, отмеченная выше проблема ими как-то решается.

И здесь мы можем обратиться к типам легитимности Шарпфа, в которых различается легитимность целей политики (на входе) и ее результатов (на выходе). Чтобы обрести устойчивость, авторитарное правление нуждается и в том и в другом. Но, в отличие от демократии, ему не нужна сложная система институтов и процедур, «переплавляющая» многообразные предпочтения управляемых в более-менее определенные цели политики на входе. Оно предпочитает формулировать их само, на основе собственных предпочтений и интересов. В этом, в частности, отличие авторитаризма также и от тоталитаризма, в котором цели политики формулируются и легитимируются на основе той или иной идеологии. И здесь же заключен «секрет» преимущественно неприязненного отношения авторитаризма к идеологиям. Итак, власть предпочитает формировать политику на входе самостоятельно, без идеологий и институциональных демократических систем. Но как она добывается в этом случае ее легитимации (согласия управляемых)? Ответ заключается в том типе легитимности, на который указывал Шарпф, называя его идентитарной, или «мы-легитимностью». Если в демократических системах он присутствует в обычных условиях в качестве фоновой или маргинальной формы, то в условиях авторитаризма он выходит на первый план.

Кнеер отмечает, что именно этот тип легитимации преимущественно используется современными авторитарными режимами. Он выстраивается ими вполне сознательно, с применением определенных стратегий, что может эмпирически проследиваться в дискурсивных и политических практиках этих режимов [Кнеер, 2017, р. 191]. «Мы-идентичность» основывается на дополитических коллективистских чувствах сообщества, восходящих к историческим, этнокультурным, языковым, религиозным общностям,

которые в политическом анализе принято относить к структурным факторам, действующим относительно объективно. Но это не значит, что путем различных дискурсивных практик их нельзя «приспособить» для политического манипулирования «мы-идентичностью». Именно этим занимается авторитарная власть, стараясь сформировать идентитарную легитимность своей политики. Она обращается непосредственно к «мы-идентичности», дискурсивно аранжируя ее в духе лояльности и легитимации своей политики, одновременно подрывая и разрушая систему институтов и процедур (или не давая ей сформироваться), в рамках которой при отсутствии авторитарного давления могла бы формироваться политическая легитимность входа.

В качестве основных орудий формирования идентитарной легитимности авторитарная власть использует то, что получило название *идентитарных нарративов*. Прежде всего их отличает то, что они основываются не на интересах и не на более-менее отчетливых логически стройных комплексах идей, а на избирательных интерпретациях свойств и характеристик «мы-идентичностей» управляемых. Кроме того, как и всякие нарративы, они нацелены в основном на коммуникацию, а не на индоктринацию, апеллируя к определенным предпочтениям и чувствам самих управляемых.

В работах Кноер и других авторов идентитарные нарративы более конкретно определяются через их различение с идеологиями [Kneuer, 2017; Gerring, 1997]. В отличие от последних, они определяются как более гибкие и модульные, интуитивно понятные и несложные, апеллятивные, не универсальные, а ограниченные национальным или региональным масштабом, аффективные, ограниченно обязательные. С точки зрения роли в политике, идентитарные нарративы не претендуют на переделку общества в соответствии с некоей новой социальной моделью, а направлены на предупреждение подрывных движений в элите и обществе, а также включают обязательное признание компетентности действующей власти во внутренней и внешней политике [Kneuer, 2017, p. 188]. Все эти свойства идентитарных нарративов и позволяют активно использовать их в решении проблем легитимации авторитарного правления, добиваясь лояльности управляемых без их мобилизации и участия в политике.

Их гибкость, модульность, интуитивная понятность, коммуникативность и партикулярность облегчают авторитарной власти

решение и такой задачи, как их периодическая коррекция, перенастройка, смещение акцентов и установок в зависимости от возникающих у нее проблем, что особенно важно в условиях длительного поддержания авторитарного режима на фоне меняющихся обстоятельств.

Напомним, что сказанное выше об идентитарных нарративах в дискурсе авторитарных режимов относится к легитимности входа. Но, как мы знаем, в функциональном анализе легитимности важное место занимает и легитимность выхода, связанная с результатами политики. И в авторитарных режимах она также имеет большое значение. Исследование авторитарных правлений XX в. показывает, что в большинстве случаев они устанавливались с провозглашением определенных обязательств: «наведения порядка», «обеспечения безопасности», «решения социальных проблем», «экономического развития» и т.д., и их поддержка и устойчивость часто зависели от того, насколько эффективно им удавалось добиваться выполнения заявленных обязательств [Finer, 1976]. То же относится и к современным авторитарным режимам. Они обязательно содержат определенный пакет «производительных обязательств», реализация (или провал реализации) которых позволяет судить об эффективности или производительности правления. Исследования также показывают, что для автократий XXI в. этот компонент производительности становится особенно важным в обеспечении их легитимности. Кноер рассматривает его как важную составную часть так называемых *миссий* в современных автократиях, посредством которой обеспечивается легитимность выхода. Она также указывает на связь коммуникационной легитимности входа, построенной на идентитарных нарративах, и легитимности выхода, основанной на эффективности, или производительности правления (петля обратной связи в системе), которая прослеживается в эмпирических исследованиях траекторий становления и развития современных авторитарных режимов. Так что оба эти компонента могут быть включены в состав *миссий* [Kneuer, 2017, p. 184].

В общем плане эта связь означает, что ослабление (дефицит) легитимности на входе влечет за собой компенсирующие усилия по укреплению и расширению легитимности на выходе. И, наоборот, дефицит легитимности на выходе требует усиления легитимности на входе. Разумеется, эта общая схема функционирования миссий не может объяснить всех особенностей и деталей процесса,

но она позволяет понять его общую системную логику и направить исследование в более продуктивное и последовательное русло.

Ниже мы попытаемся применить этот подход к анализу основных компонентов дискурса российской власти последних двух десятилетий, рассматривая его в контексте становления и эволюции в российской политике авторитарного режима современного типа.

Российский случай

За исходный пункт рассмотрения российского случая можно взять тот политический режим, который сложился в России в конце 1990-х – начале 2000-х годов. По меркам режимных теорий, он представлял собой гибридный режим, возникший на пути незавершенного перехода к демократии и включавший в себя как учрежденные, но не устоявшиеся демократические институты, так и авторитарные тенденции учрежденного суперпрезидентства, имевшего определенные ограничения. Описание этого режима как гибридного, начало которому было положено Лилией Шевцовой [Шевцова, 1999], имеет большую традицию и вплоть до недавнего времени вызывало дискуссии¹.

После прихода к власти В.В. Путина многие авторы отмечали рост авторитарных тенденций режима, связанных с выстраиванием «вертикали власти», усилением властного давления на демократические институты и ростом влияния во власти силовой составляющей [Федеральная реформа ... , 2005 ; Крыштановская, 2005 ; Гельман, Стародубцев, 2014 ; и др.]. В то же время какого-то отчетливого переустройства режима в первые два срока В.В. Путина не наблюдалось. Его гибридный характер менялся постепенно, дрейфуя в авторитарном направлении.

Для темы дискурсивных практик власти здесь важно отметить, что практически с самого начала правления в дискурсе президента возникло то, что можно идентифицировать как строительство идентитарного нарратива (легитимность на входе). В нем появились ссылки на «русскую идею» и исконные черты «русских» – «патриотизм, коллективизм, государственничество, соли-

¹ Подробнее об отечественных исследованиях российского авторитаризма см.: [Авдонин, 2018].

дарность, державность»¹. При этом они отделялись и в определенной мере противопоставлялись «ценностям Запада», «индивидуализму», «интересам», «правам человека», «слабому государству» и др. Заявлялось, что Россия должна перестать жить по «по чужим учебникам», так как иначе ей «не выжить»².

Идентитарный нарратив здесь определенно политизирован в духе великой державы и сильного государства; вместе с этим обозначена его направленность против правил функционирования той системы институтов, которая формировалась в российской политике в предшествующие годы. В дискурсе президента имела негативная коннотация «1990-х годов» – как времени, идущего вразрез с традициями страны.

В дальнейшем Путин предпринял институциональные изменения, проведя федеральную реформу, изменив избирательное, партийное, муниципальное законодательство, создав партию «власти» и провластные общественные структуры. Все эти изменения так или иначе выхолащивали и ослабляли систему институтов представительства, встраивая ее во властную вертикаль.

В дискурсе Путина стали выделяться характерные ключевые слова: «сильное государство», «наведение порядка», «стабильность», «единство», «диктатура закона», «великая держава» и др., что можно идентифицировать как дискурс производительной легитимации режима. И практически все они, так или иначе, противопоставлялись тому, что имело место в 1990-е – «слабое государство», «нестабильность», «нарушение закона», «рост преступности» и т.д.³ В дальнейшем мем «лихие 90-е» прочно вошел не только во властный, но и общественный дискурс, и критика этого периода стала важным фактором дискурсивной легитимации путинского режима [Малинова, 2018].

Если в начале правления в качестве производительных обязательств режима В.В. Путин предлагал в основном «сильное государство», «порядок», «безопасность», «борьбу с терроризмом», то затем, когда цены на углеводороды пошли вверх и режим получил мощный приток экономических ресурсов, его программный

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. – Режим доступа: <https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4millenium.html> (дата посещения: 15.02.2023).

² Там же.

³ Обобщены материалы с портала «Президент России». – Режим доступа. – <http://kremlin.ru/> (даты посещения: 15.03–15.04.2023).

производительный месседж был расширен. В дискурсе власти появились «приоритетные национальные проекты» (2005), наиболее известными из которых были «Медицина», «Образование», «Жилье» и «Сельское хозяйство»; частично к ним были отнесены также «Наука» и «Культура», обсуждалось и дальнейшее расширение этих программ.

Увеличилось и присутствие в дискурсе власти темы региональной интеграции постсоветского пространства в новых форматах (Евразийское экономическое сообщество), отличных от прежних (СНГ). Возникла тема «мягкой силы» России, использующей в интеграции экономические, исторические, языковые, культурные факторы.

Уже в начале правления Путина в дискурсе власти можно проследить становление комбинаторики между идентитарными нарративами (легитимность входа) и дискурсом производительности (легитимность выхода). Например, дискурс о коллективизме и державничестве народа комбинируется с дискурсом сильного государства (укрепления «вертикали власти») и его величия. Или нарратив о Великой Победе, сплоченности и жертвах народа в ВОВ комбинируется с дискурсом статуса великой державы и престижа в текущей международной политике. В этом прослеживается становление «миссии» как способа легитимации авторитарной власти, о котором говорилось выше.

При таком подходе можно проследивать связи и «балансы» (и их нарушения) в легитимирующих дискурсах. С этой точки зрения в период второго срока В.В. Путина и президентского срока Д.А. Медведева можно отметить смещение «баланса» в сторону дискурса производительности. Власть, разумеется, не отказывалась от идентитарного дискурса, акцентируя единство народа вокруг «Великой Победы», включая в него религиозные и исторические компоненты. Была предложена даже некая концептуализация этой модели в виде концепции «суверенной демократии»¹, пытавшейся объединить дискурсы демократии, народного и государственного суверенитета, великой державы и национального лидера. В то же время окол властные публицисты в этот период предлагали

¹ Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата посещения: 15.11.2022).

проекты новой идеологии – «российского консерватизма», «просвещенного консерватизма», «патриотического консерватизма»¹. В «партии власти» (Единая Россия) даже создавались партийные клубы с различными политико-идеологическими оттенками. Можно предположить, что власть экспериментировала с дискурсивной составляющей формирования политики на входе, рассчитывая заменить идентитарный нарратив идеологическим, но затем от этого отказалась.

С точки зрения функциональной теории легитимности оживление с поисками альтернативной идентитарному нарративу легитимации как раз и могло быть связано с тем, что приток ресурсов позволил власти перенести центр тяжести легитимации режима на производительный дискурс. Значимость входной легитимности для режима ослабла, и там стало возникать пространство для поиска альтернативной политизации дискурса. Сюда же можно добавить и то, что модель идентитарной легитимности на входе с переизбранием Путина на второй срок в 2004 г. с высоким результатом (71%) выполнила свою функцию, и фокус был перенесен на производительную легитимность выхода.

В период президентства Д.А. Медведева определенную роль играло и появление «тандема» в верховной власти. При всех договоренностях премьера и президента верховная власть была определенным образом распределена и менее консолидирована, что вызывало некую соревновательность в выполнении производительных обязательств и в целом повышало значимость производительной легитимности. В какой-то момент даже возник новый модернизационный дискурс президента Д.А. Медведева, направленный преимущественно на производительную легитимность².

В то же время контекст появления этого дискурса своеобразен. Он возник на фоне мирового экономического кризиса (2008–2009) и Пятидневной войны с Грузией (2008), что привело к сокращению притока ресурсов в российскую экономику и обострению отношений с Западом. В целом это сократило ресурсы режима и проблематизировало его производительность. Вместе с тем

¹ Подробнее см.: [Шаблинский, 2017].

² Медведев Д.А. Россия, вперед! // Интернет-издание «Газета. Ру». – 10 сентября. – Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата посещения: 15.06.2022).

конфликт актуализировал обращение к идентитарному дискурсу. На этом фоне отчаянная попытка Медведева выдвинуть модернизационный (производительный) дискурс выглядела проблематичной. В целом этот дискурс был воспринят в обществе и элитах со скепсисом, а затем маргинализован, хотя и внес определенную динамику в дискурсивные практики режима.

Важной вехой в эволюции российского авторитаризма и механизмов его легитимации стали события 2011–2012 гг., предшествовавшие возвращению В.В. Путина на президентский пост в третий раз. Российское суперпрезидентство было еще более усилено (продление срока до шести лет, разрешение занимать пост более двух раз) и приобрело во многом персоналистский характер. Но в плане легитимности режим столкнулся с проблемами, которые прежде всего относились к легитимности входа. Проявилось широкое недовольство фальсификацией результатов выборов в Государственную думу, вызвавшее массовые протесты. Их поддерживали в основном городские слои, несистемная оппозиция и даже отдельные депутаты системных партий. Режим был вынужден реагировать. Уходящий президент Д.А. Медведев предложил ряд реформ в сфере институтов представительства.

Но в целом власть ответила мобилизацией своих сторонников, что повлекло интенсификацию идентитарного дискурса. И в предвыборных статьях и заявлениях, и в последующих выступлениях В.В. Путина в 2012–2013 гг. можно легко найти то, что может являться идентитарным нарративом. Они не только наполнены идейными образованиями, именуемыми «национальная идентичность», «национальный характер», «культурный код», «культурный и духовный код нации», «патриотическая идентичность», «патриотизм» и т.д., но и содержат резкую критику советской идеологии и идеологий как таковых, в основном за их «оторванность от жизни народа и государства», от практических целей и задач политики. Хотя в выступлениях В.В. Путина встречались упоминания некоторых идеологов консерватизма (К. Леонтьев, И. Ильин и др.), он нигде не высказывал одобрения этой идеологии, не говоря уже о какой-либо другой. В лучшем случае президент упоминал в качестве идеологии все тот же «патриотизм»¹.

¹ Подробнее см.: [Авдонин, 2021 а ; 2021 б].

Эту деидеологизацию дискурса В.В. Путина некоторые исследователи пытаются объяснить ретроспективизацией, поворотом к архаике и антимодерну, характерными для идейных схем российской политики XIX – начала XX в. [Hill, Gaddy, 2015], или идеологии славянофилов и евразийцев [Eltchaninoff, 2018], или даже к еще более архаичной «идеологии» Московского государства (XVI–XVII вв.) [Абалов, Иноземцев, 2020]. Ряд авторов выдвигают понятие «национально-государственной идентичности», помещающее идентичность в контекст государственной «политики идентичности», направленной на укрепление государства и его суверенитета, и анализируют возникающие в связи с этим проблемы [Малинова, 2010 ; Попова, 2020].

В то же время в дискурсе В.В. Путина в этот период активно присутствуют и темы, направленные на производительную легитимность режима: экономические, технологические, спортивные успехи, социальное благосостояние, региональная интеграция, суверенитет, международный престиж и влияние России как великой державы, сильная армия, так называемые «мегапроекты» (самый крупный из них – реконструкция района Сочи и подготовка к Сочинской олимпиаде).

С точки зрения подхода, представленного в начале статьи, именно этот период начала третьего срока В.В. Путина можно определить как отчетливое оформление миссии в режиме с авторитарными характеристиками. Ее особенности заключаются (а) в существенном усилении значимости входной легитимности, реализуемой через идентитарные нарративы и (б) во все более тесном сближении, координации и увязке между входной (коммуникативной) и выходной (производительной) легитимностью.

Основной проблемой таких автократий, по замечанию Кноер, является проблема производительности [Kneuer, 2017, p. 206]. Заявленные авторитарной властью обязательства могут исполняться неэффективно или вообще не исполняться, что порождает дефицит легитимности на выходе. Это вызывает необходимость усиливать легитимность на входе, насыщая идентитарные нарративы все большими аффектами, что в конце концов может оправдать изменение обязательств на выходе. Проблема в том, что эти обязательства могут быть изменены как в конструктивном (более реалистические), так и в деструктивном ключе (еще менее реалистические или конфронтационные). Исследования показывают, что автократии чаще прибегали в этом случае к деструктивному изменению обязательств производи-

тельной политики, в том числе к внешним конфликтам, вызывающим эффект «сплочения вокруг флага» и повышающим их легитимность.

То, что произошло с российским режимом после 2014 г. (украинский Майдан, присоединение Крыма, конфликт на Донбассе), в какой-то мере можно трактовать как эффект «сплочения вокруг флага»: постепенное снижение ресурсов и производительной легитимности режима привело к активизации идентитарной легитимности на входе (интенсификация и ретроспективизация идентитарных нарративов в начале третьего срока В.В. Путина), повысившей аффективность политики. Присоединение Крыма и вовлеченность в политические процессы на Донбассе после падения режима Януковича означало смену производительных обязательств режима в направлении конфронтации. Но это позволило ликвидировать дефицит легитимности на выходе, получив определенный результат в виде присоединения Крыма. «Крымский консенсус», «эффект Крыма» привели к заметному росту внутренней легитимности режима. А конфликт на Донбассе продолжал придавать ей конфликтное измерение и актуализировать идентитарный нарратив.

В то же время санкции Запада продолжали сокращать ресурсы режима, подпитывая экономическую стагнацию, и постепенно ситуация вернулась к той проблеме, о которой применительно к неавторитарным режимам упоминают исследователи – рост дефицита производительной легитимности. В 2020 г. в России была принята новая редакция Конституции с включенными в нее элементами идентитарного нарратива. В целом это воздействовало на легитимность входа, но проблему дефицита производительной легитимности, которую подпитывает сокращение ресурсов, это не решило. Ситуация с этой легитимностью стала опять напоминать ту, которая имела место перед 2014 г.

Мы не касаемся далее подробно событий последнего времени, связанных со СВО, Украиной и резким обострением конфликта России с Западом прежде всего в силу незавершенности и неясности их итогов, а также ввиду пока недостаточной рефлексии в исследовательском поле политической науки¹. Но с учетом сказанного

¹ Предварительный подход к рефлексии этих событий предлагается в сборнике «Перед лицом катастрофы» [Перед лицом ... , 2023], опубликованном в начале этого года. Правда, большинство его авторов не политологи, а философы; в то же время там анализируется ряд тем, близких политической науке.

выше можно предположить, что в качестве среднесрочного фактора на легитимность российского режима может продолжать влиять ситуация с его производительной легитимностью. Дальнейшее сокращение ресурсов и отсутствие заявленных результатов будет в рамках его миссии вести к концентрации усилий на легитимности входа (согласие управляемых и элит). В случае его «перенасыщения» возможны расколы, недовольство, скрытое и открытое сопротивление и т.д., ведущие к подрыву легитимности.

Заключение

Представленный в статье анализ связи дискурса и легитимности, опирающийся на системный подход к политике и функциональные различия политической легитимности, показывает, что изучение дискурсивных практик в политике может осуществляться с применением достаточно абстрактного концептуального аппарата современной политической науки.

В данном случае мы рассмотрели представленный в литературе опыт применения системных категорий к исследованию класса современных неавторитарных режимов, а также их применение в исследовании конкретного случая. В целом можно признать, что применение системных категорий в изучении процессов легитимации современных автократий расширило аналитические возможности исследований, позволило выявить в этой области новые черты, особенности, процессы, показать новые проблемы. В частности, проанализировать черты и особенности идентитарных нарративов, легитимности на входе и выходе, показать связь между ними, указать на проблемы дефицита легитимности как системные проблемы и прочее.

Исследование российского случая властного дискурса с позиций этой теории также позволило обнаружить и объяснить ряд его характерных особенностей и черт, а также подтвердить и уточнить ряд положений самой теории.

1. Российский случай ярко демонстрирует связь становления авторитарного правления с применением во властном дискурсе идентитарных нарративов. Он также показывает ряд их особенностей, в том числе акцент на связь российской / русской идентичности с государством, его историей, культурой, с его величием и сувере-

нитетом, а также на их особый характер, отличный от идентичностей Запада. В этих нарративах также хорошо заметна предсказанная теорией направленность против системы демократических институтов и процедур, что может позволить использовать их для подрыва и разрушения этой системы.

2. Российский случай позволяет определить, проследить и уточнить особенности дискурса производительности авторитарного режима. В основном он эволюционировал от «наведения порядка», «законности», «сильного государства» к социальным программам и проектам (характерным для социального государства) и международным интеграционным проектам с опорой на «мягкую силу», а затем снова к «сильной и великой России», ее противостоянию с Западом, к «защите нашего суверенитета», «наших людей», борьбе с «нацистами», «пятой колонной», «социал-предателями» и др. В целом в нем прослеживается нарастание агрессивности борьбы с врагами по мере укрепления авторитарных тенденций режима, а также роста зависимости от притока экономических ресурсов (их снижение способствует росту конфронтационности дискурса).

3. Российский случай также позволяет обнаружить особенности формирования связи между двумя функциональными типами легитимности (идентитарной и производительной) и обслуживающими их дискурсами, составляющими основу того, что называют «миссией». Кейс показывает, в частности, то, что эта связь (или «миссия») может формироваться не сразу, а постепенно, выражаясь с различной интенсивностью, связанной в том числе и со степенью выраженности черт авторитарности власти.

4. Российский случай, связанный с усилением персоналистского характера режима, указывает на то, что на особенности «миссии» может накладываться и определенный личностный отпечаток представлений лидера режима. Это демонстрирует, в частности, пример изменений легитимирующего дискурса режима в период «тандема», когда власть не была консолидирована в одних руках.

Дальнейший анализ российского и других случаев современного авторитаризма с опорой на системный подход к политике и разработанные для этих целей категории, о которых говорилось в статье, позволят заметно обогатить наши знания о различных аспектах и «секретах» функционирования этих форм правления в современном мире.

V.S. Avdonin*

**Discourse and legitimacy: to a functional interpretation
of discursive aspects of political legitimization**

Abstract. The problem of discourse and legitimacy is covered in the article through the prism of the systemic or functional theory of political legitimacy, which became famous in European political science in the early 2000 s. The author examines the main provisions of this theory, originally developed by German political scientist Fritz Scharpf in connection with the study of politics and political legitimacy in the EU countries and at the pan-European level. Later, they were applied by a number of authors (the article focuses on the works of Marianne Knoer) in the process of studying the mechanism of legitimization of power in the so-called neo-autocratic regimes (regimes of the «new wave of authoritarianism» of the early 21 st century). The introduction of the concepts of input-legitimacy and output-legitimacy, as well as the related concepts of «identitarian narratives», «regime efficiency» and «mission», allows for a better understanding of the mechanism of legitimacy functioning (consent of the governed with the authorities) in neo-autocracies. In the article, the author tries to apply this approach to the study of the Russian case, analyzing the legitimizing aspects of the discourse of Russian power in the context of the formation and evolution of the authoritarian political regime.

Keywords: political legitimacy; discourse; political system; functionalism; adaptability; input-legitimacy; output-legitimacy; identitarian legitimacy; authoritarian regime; identitarian narratives; regime effectiveness; mission; Russian political regime; political discourse of Russian power.

For citation: Avdonin V.S. Discourse and legitimacy: to a functional interpretation of discursive aspects of political legitimization. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 38–59. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.02>

References

- Abalov A., Inozemtsev V. *Infinite Empire: Russia in search of itself*. Moscow: Alpina Publisher, 2020, 426 p. (In Russ.)
- Avdonin V.S. On the nature of authoritarianism in modern Russia. *Public Policy*. 2018, Vol. 2, N 1, P. 76–94. (In Russ.)
- Avdonin V.S. The discourse of power about the Soviet past in the public rhetoric of President V.V. Putin in the period 2012–2018. *Public Policy*. 2021 a, Vol. 5, N 1, P. 175–195. (In Russ.)
- Avdonin V.S. Transformation of the “Soviet Ideology” in the discursive practices of the Russian government. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021 b, Vol. 14, N 5, P. 81–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-4>

* Avdonin Vladimir, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru

- Beetham D. *The legitimization of power*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2013, 312 p.
- Elchaninoff M. *Inside the Mind of Vladimir Putin*. London: Oxford univ. press. 2018, 288 p.
- Federal reform 2000–2004*. Vol. 2. Strategies, institutions, problems. Moscow: MONF, 2005, 692 p. (In Russ.)
- Finer S.E. *The man of horseback: The role of military in politics*. New Jersey: Transaction Publishers, 1976, 305 p.
- Gel'man V., Starodubtsev A. *Opportunities and limitations of authoritarian modernization: Russian reforms in the 2000 s*. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2014, 36 p. (In Russ.)
- Gerring J. Ideology: a definitional analysis. *Political research quarterly*. 1997, N 4, P. 957–994.
- Hill F., Gaddy C.G. *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*. Washington: Brookings institution press, 2015, 534 p.
- Kailitz S. Classifying political regimes revisited: legitimization and durability. *Democratization*. 2013, Vol. 20, N 1, P. 38–59.
- Kielmansegg P. Legitimität als analytische Kategorie. *Politische Vierteljahresschrift*. 1971, Vol. 2, N 3, P. 367–401.
- Kielmansegg P. (Hrsg.). *Legitimationsprobleme politischer Systeme*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976, 288 p.
- Kneuer M. Auf der Suche nach Legitimität. Außenpolitik als Legitimationsstrategie autokratischer Regime. In: Kailitz S., Köllner P. (eds). *Autokratien im Vergleich PVS-Sonderheft*. Baden-Baden: Nomos, 2013, S. 205–236.
- Kneuer M. Legitimation beyond Ideology. Authoritarian Regimes and the Construction of Missions. *Sonderheft Legitimation in Autokratien. Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, 2017, Vol. 11, N 2, P. 181–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12286-017-0335-z>
- Kneuer M., Demmelhuber T. Gravity centers of authoritarian rule: A conceptual approach. *Democratization*. 2015, Vol. 23, N 5, P. 775–796.
- Kryshtanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov, 2005, 384 p. (In Russ.)
- Linz J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. In: Greenstein F.I., Polsby N.W. (eds). *Macropolitical theory Handbook of Political Science*, Vol. 3. Boston: Addison Wesley, 1975, P. 175–411.
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Justification of the policy of the 2000 s in Putin's discourse and the formation of the myth of the “dashing nineties”. *Political science (RU)*. 2018, N 8, P. 45–69. (In Russ.)
- Mandt H. *Legitimität*. In: Nolen D., Schultze R.-O. (Hrsg.). *Lexicon der Politik. Band 1. Politische Theorien*. München: Beck, 1995, S. 284–298.
- Plotnikov N. (ed.). *In the face of disaster*. Berlin: Lit Verlag, 2023, 173 p. (In Russ.)
- Popova O.V. On the unresolved problems of the theory of state policy of identity in Russian political science. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 86–110. (In Russ.)

- Scharpf F.W. *Legitimationskonzepte jenseits des Nationalstaats*. 2004. Mode of access: https://pure.mpg.de/rest/items/item_1234256_13/component/file_3315564/content (accessed: 23.03.2013).
- Scharpf F.W. *Regieren in Europa. Effektiv und demokratisch?* Frankfurt; New York: Campus, 1999, 201 p.
- Shevcova L. *Boris Yeltsin regime*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 535 p. (In Russ.)
- Shablinsky I.G. "The New Russian Conservatism" and the Soviet Ideological Paradigm. *Political science (RU)*, 2017, N 3, P. 136–157. (In Russ.)
- Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress, 1990, 808 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. – М.: Альпина Паблицер, 2020. – 426 с.
- Авдонин В.С. Дискурс власти о советском прошлом в публичной риторике Президента В.В. Путина в период 2012–2018 гг. // Публичная политика. 2021 а. – Т. 5, № 1. – С. 175–195.
- Авдонин В.С. Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021 б. – Т. 14, № 5. – С. 81–99. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-4>
- Авдонин В.С. К вопросу о характере авторитаризма в современной России // Публичная политика. – 2018. – Т. 2, № 1 – С. 76–94.
- Вебер М. Избранные сочинения. – М.: Прогресс. 1990–808 с.
- Гельман В., Стародубцев А. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. – 36 с.
- Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005–384 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. – 2018. – № 8. – С. 45–69.
- Перед лицом катастрофы / Сборник статей под ред. Н. Плотникова. – Berlin: Lit Verlag, 2023. – 173 с.
- Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86–110.
- Шаблинский И.Г. «Новый российский консерватизм» и советская идеологическая парадигма // Политическая наука. – 2017. – № 3. – С. 136–157.
- Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. – М.: РОССПЭН, 1999. – 535 с.
- Федеральная реформа 2000–2004. – Т. 2. Стратегии институты, проблемы. – М.: МОНФ, 2005. – 692 с.